

Чэн Цзайе узнал листок с первого же взгляда — тот самый, который Цзян Шоуянь прятал под подушкой, пытаясь в панике скрыть, когда Чэн Цзайе внезапно застал его в полутёмной комнате. Бумага была сильно измята — сразу видно, что хозяин бесчисленные разы доставал и разворачивал её, отчего на сгибах образовались тонкие, протёртые до дыр трещинки. Как и предполагал Чэн Цзайе, там таилось то прошлое, о котором он так отчаянно желал узнать, но о котором Цзян Шоуянь так ни разу и не обмолвился.

И вот теперь этот листок открыто лежал перед ним, но смотреть на него было страшно. От двух коротких строчек мысли заволокло звенящей пустотой. Спустя неведомо сколько времени Чэн Цзайе медленно, словно в оцепенении, поднял голову и посмотрел на кольцо — старое, неприметное серебряное колечко без узора. Цзян Шоуянь говорил, что это вещь его матери. Но зачем было носить его на шее?

В голове Чэн Цзайе всё смешалось. Перед глазами непрерывной чередой вспыхивали обрывки воспоминаний: Цзян Шоуянь, шагающий вперёд к самому краю подводного обрыва; Цзян Шоуянь, курящий в коридоре на рассвете; бесконечно одинокий Цзян Шоуянь; вечно молчаливый Цзян Шоуянь; и тот Цзян Шоуянь, что, рыдая в его объятиях, отчаянно кричал: «А что, если мне и вправду невыносимо плохо?!»...

Лента времени отматывалась всё дальше назад. Вот Пауло шепчет ему на ухо: «Райли и правда приехал сюда, чтобы развеяться. У него в семье кое-что стряслось». В семье кое-что стряслось.

Сжимая в руке кольцо, Чэн Цзайе вспомнил ещё один вечер. Тогда он случайно увидел переписку Цзян Шоуяня с другом. Сообщения в чате выглядели весьма странно: в одном говорилось «я сплю», а следом шла статья от психиатрической клиники. В это мгновение Чэн Цзайе, неотрывно глядя на зажатый в руке листок, вдруг ощутил всепоглощающий животный ужас. Он вскочил с кровати. В груди словно полыхало жгучее, тревожное пламя — оно гнало его вперёд так слепо, что по пути он налетел на угол кровати, затем на шкаф, с силой распахнул дверь в комнату Цзян Шоуяня и... как вкопанный замер на пороге.

Деревянные створки окна были распахнуты настежь. На фоне раскинувшихся вдали лесов и реки на подоконнике стоял букет сине-лиловых гортензий. Их стебли и листья были аккуратно подрезаны, пышные шапки цветов теснились над горлом молочно-белой вазы. Чэн Цзайе смотрел на них остекленевшим взглядом. На мгновение он забыл, как двигаться, лишь

намертво вцепился в дверную ручку — так сильно, что кожа на костяшках побелела. Он сам не понимал, о чём сейчас думает и как вообще ноги донесли его до окна. Опустив голову, он увидел ещё один листок бумаги, придавленный вазой. Чернила были совсем свежими, а почерк — изящным. Чэн Цзайе почти наяву мог представить, как Цзян Шоуянь, закончив расставлять эти гортензии, прислонился к подоконнику и вывел эту строчку.

«Не волнуйся, я улетел на родину первым».

Сердце Чэн Цзайе болезненно сжалось от едкой тоски. В самом низу виднелись едва заметные тёмные следы от чернил, словно на обороте было написано что-то ещё. Чэн Цзайе лихорадочно перевернул листок.

«Я люблю тебя».

Всё то, что невозможно было выразить словами, в этот миг словно обрело форму. Эмоции хлынули потоком — таким ошеломляюще мощным, что Чэн Цзайе, не выдержав этого удара, согнулся пополам. Из его горла вдруг вырвался сдавленный кашель. Он никак не мог остановиться, заходясь приступом раз за разом, пока щёки и глаза не покраснели, пока в груди не заломило от пронзительной боли. Бессильно опершись руками о колени, он стоял в лучах прохладного утреннего света, не в силах разогнуться от сведавшей его муки.

Последующие несколько дней Чэн Цзайе провёл как в тумане. Он заново обошёл все места, куда когда-то приводил Цзян Шоуяня. Пройдя по усаженной гортензиями тропинке, он добрёл до края луга, лёг на вершине холма и долго-долго смотрел в небо. Он и не подозревал, что из Понта-Делгады вылетает так много самолётов.

Вскоре он и сам оказался пассажиром одного из них. Вот только приземление в аэропорту Лиссабона не принесло ему покоя. Ему всё ещё казалось, что он бесплотной тенью парит над землёй, ровно до тех пор, пока он не оказался перед дверью их дома в Кашкайше и не увидел ключи, лежавшие в подвесной корзинке с того дня, когда они с Цзян Шоуянем покинули дом, таща за собой чемоданы. Заперев дверь, Цзян Шоуянь отдал ключи ему, а Чэн Цзайе не глядя

бросил их в корзинку. Цзян Шоуянь явно не ожидал подобной беспечности. Немного помолчав, он спросил: «А если потеряются?» Чэн Цзайе ответил, что никуда они не денутся, да и красть в доме всё равно нечего.

Теперь, войдя внутрь, он понял, что поспешил с выводами. Вырезанная из дерева роза, стоявшая у изголовья кровати Цзян Шоуяня, исчезла. Чэн Цзайе долго смотрел на опустевшую круглую подставку, и вдруг на него навалилась чудовищная усталость. Помассировав пальцами виски, он навзничь рухнул на постель и увидел на потолке бабочек.

«Не сказал бы, что они мне так уж сильно нравятся. Просто на потолке моей спальни в Лиссабоне были наклейки с бабочками. Наверное, я просто привык смотреть на них перед сном каждый день». Голос Цзян Шоуяня эхом отдался в ушах Чэн Цзайе. Он подумал: интересно, а когда Цзян Шоуянь не мог уснуть, он тоже сверлил взглядом потолок и пересчитывал этих бабочек?

Ему так и не удалось сосчитать их точное количество — в какой-то момент сознание просто заволочло тьмой. Он провалился в тяжёлый, беспробудный сон на кровати Цзян Шоуяня и резко проснулся от стука в дверь.

За окном уже сгущались сумерки. Всё ещё не до конца стряхнув с себя сонное марево, Чэн Цзайе пошёл открывать. Паренёк-курьер на пороге, судя по всему, из-за долгого молчания решил, что дома никого нет. Он как раз достал телефон, собираясь звонить, и оторопел, встретившись взглядом с Чэн Цзайе.

— (Вы что-то хотели?) — хрипло спросил Чэн Цзайе.

Растерянность на лице паренька стала ещё очевиднее. Приподняв упакованный букет подсолнухов, он ответил:

— (Разве цветы заказывали не по этому адресу? Просили доставить сегодня ровно к пяти.)

Взгляд Чэн Цзайе замер на подсолнухах. Внезапно он спросил:

— (Какое сегодня число?)

— (Двадцать второе), — без заминки отозвался курьер.

Чэн Цзайе словно только сейчас пришёл в себя. Он забрал цветы, долго шарил по карманам, но мелочи так и не нашёл. Бросив короткое «извините», он вернулся в комнату за купюрами. Расплатившись, он с букетом цветов в руках подошёл к дивану и опустился прямо на ковёр.

Оранжевые отблески закатного солнца пробивались сквозь узкое окно гостиной. Чэн Цзайе сидел в полосе этого света. Он обернулся, но на диване больше не было того свернувшегося клубочком спящего силуэта. Он снова отвернулся и перевёл взгляд на подсолнухи, лежащие на журнальном столике. Это он заказал их доставку. Просто в последние дни он жил как в бреду и совершенно потерял счёт времени.

В тот самый день, когда стала известна точная дата возвращения его родителей на родину, он с нетерпением связался с цветочным магазином, чтобы забронировать время и место доставки. Тогда Чэн Цзайе всё так красиво спланировал. Ему до одури хотелось забрать Цзян Шоуяня к себе домой, но он боялся, что прямое предложение вызовет у того неловкость. Поэтому он хотел использовать букет подсолнухов как предлог: завести разговор о саде своей матери, а затем плавно предложить поехать к нему на родину, чтобы взглянуть на него.

Хотя внешне Цзян Шоуянь казался холодным, в душе он был очень мягким. Стоило лишь немного поластиться к нему, притвориться чуточку несчастным, и он непременно бы

согласился на всё. Вот только сейчас...

Чэн Цзайе вдруг почувствовал, как у него вспыхнули щёки. Он долго-долго смотрел на проекционный экран телевизора, где отражалось его собственное лицо с покрасневшими глазами, а затем резко поднял руку и накрыл ладонью заднюю часть шеи. Обжигающе горячая слеза скатилась на тыльную сторону кисти. Он широко распахнул глаза, лишь теперь, задним умом осознав: в ту самую ночь Цзян Шоуянь плакал.

Чэн Тун сошла с трапа самолёта двадцать второго числа, на день раньше запланированного двадцать третьего. Вернувшись домой, она пренебрегла отдыхом и отправилась в супермаркет, чтобы купить кое-что из того, что могло понадобится завтра. Затем они вместе с мужем переставили часть мебели, чтобы обстановка в доме не казалась такой холодной и строгой. Затем она ушла в свой кабинет и отыскала выпускные альбомы времён своего преподавания в пекинском университете. Пролистав страницы одну за другой, она нашла имя Цзян Шоуяня.

Затем она вернулась назад, вглядываясь в лицо на фотографии, и тут же открыла ленту Чэн Цзайе в WeChat, чтобы сравнить юношу со снимком на обложке его профиля. Черты лица молодого человека на свежем фото были чуть мягче, чем раньше. Уголки губ Чэн Тун невольно тронула улыбка. Внезапно в дверь кабинета постучали. Она подняла голову и бросила:

— Войдите.

Отец Чэн Цзайе вошёл внутрь, держа в руках чашку кофе.

— Занята?

Кабинет Чэн Тун был огромным: вдоль трёх стен высились книжные шкафы, уставленные литературой на разных языках. Она чётко разграничивала работу и личную жизнь, поэтому даже Чэн Цзайе, чтобы войти в её кабинет, должен был предварительно спросить разрешения. Чэн Тун протянула мужу выпускной альбом и ответила:

— Смотрю на Цзян Шоюяня.

Отец некоторое время искал нужное имя, а найдя, произнёс:

— А у Цзайе отличный вкус. — Он опустил взгляд на Чэн Тун и добавил: — В этом он пошёл в меня.

Чэн Тун сделала глоток кофе и поднялась со стула:

— Время ещё есть, пойду выберу немного цветов в саду.

Отец поцеловал её в висок:

— Хорошо. Что хочешь на ужин?

Чэн Тун и подумать не могла, что, выйдя с подсолнухами в руках, обнаружит Чэн Цзайе на скамейке за пределами сада. Он сидел, ссутулившись и низко опустив голову, и курил. Сизый дым клубился перед его лицом, а вид у него был, мягко говоря, неважный.

— Зефир, — позвала Чэн Тун, направляясь к скамейке.

Чэн Цзайе резко вскинул голову и рефлекторно затушил сигарету.

— Прости, я не знал, что ты здесь.

Чэн Тун опустилась рядом с ним. Отблески заходящего солнца ложились на её лицо, подчёркивая то изящное благородство, что годы оставили в её чертах. Чэн Цзайе махнул рукой, разгоняя остатки дыма:

— Разве вы не должны были прилететь завтра? Почему вернулись сегодня?

— Завтра было бы впритык, я боялась, что мы не успеем подготовиться, — ответила Чэн Тун.

Она прекрасно знала сына: скажи она, что они возвращаются завтра, он бы привёл гостя ровно

в тот момент, когда они сами переступали бы порог дома. Заметив внезапно потухший взгляд Чэн Цзайе и его покрасневшие веки, она спросила:

— Что-то стряслось?

Чэн Цзайе не сразу нашёлся с ответом. Он молчал очень долго, прежде чем заговорить снова.

— Он... — Чэн Цзайе запнулся, его речь стала сбивчивой. — Кажется, он болен.

Чэн Тун нахмурилась:

— Чем болен? Это серьёзно?

— Душевная болезнь. — Чэн Цзайе моргнул, слова давались ему с мучительным трудом. — Кажется, раньше он не хотел жить.

Чэн Тун заговорила не сразу:

— Как ты узнал? Он сам тебе рассказал?

Чэн Цзайе покачал головой:

— Когда я проснулся, его уже не было. Он оставил мне кое-что, и я понял. Я не знаю причины и не смею спрашивать... боюсь сделать ему ещё больше.

Его до сих пор пробирал ледяной запоздалый страх. В тот день, когда Цзян Шоуянь стоял на краю подводного обрыва, если бы он заметил это чуть позже, не дёрнул бы его за руку... Чэн Цзайе не смел даже думать об этом.

Чэн Тун тихо вздохнула и произнесла:

— Цзайе, он предоставляет тебе право выбора.

Чэн Цзайе вконец растерялся. В последнее время в его голове царил такой хаос, что мозг, казалось, вот-вот сломается. Открывал он глаза или закрывал — перед ним был только Цзян Шоуянь. У него просто не оставалось внутренних ресурсов, чтобы обдумать что-то ещё.

— Он ведь мог просто сказать тебе прямо, во всём признаться. Вы безумно влюблены, ты бы наверняка принял в нём всё без остатка. Так почему же он не захотел этого сделать?

Чэн Цзайе замер.

— В своё время я переводила книги по психологии и психиатрии. — Чэн Тун отложила подсолнухи и чуть откинулась на спинку скамьи. — И ради этого изучила огромное множество материалов. Вместо того чтобы навешивать на них ярлык болезни, мне больше хочется сказать, что это поразительно нежные, жестокие и сильные люди. Они нежны к окружающим, но жестоки к самим себе. И они невероятно стойко, в полном одиночестве, переживают один за

другим моменты полного краха и отчаяния. Должно быть, он не показывал тебе себя в худшем состоянии?

Чэн Цзайе почувствовал, как от ноющей боли стало трудно дышать:

— Он плакал при мне.

— Цзайе, ты должен понять: их образ мышления в корне отличается от того, как мыслят обычные люди. Это как пойти куда-нибудь поужинать. Будь на их месте ты, думал бы только о том, какой ресторан выбрать. Но для них даже просто встать с кровати — уже мучительно трудный шаг. Они будут думать, что для выхода на улицу нужно надеть одежду, обуться, умыться, привести себя в божеский вид. А ещё придётся решать, на каком транспорте ехать... И даже если в голове они всё идеально спланируют, стоит им выйти на улицу и заметить, что чей-то взгляд задержался на их лице чуть дольше обычного, как они тут же начнут сомневаться: «Неужели я сегодня выгляжу так ужасно?» А затем они проваливаются в ими же созданную пучину паники.

Чэн Цзайе слушал в абсолютной тишине, не проронив ни слова. Но тут Чэн Тун внезапно сменила тему:

— Ведь это не первый раз, когда ты видишь Шоуяня, не так ли?

Чэн Цзайе резко повернул к ней голову. Чэн Тун улыбнулась и продолжила:

— Впервые это было лет пять-шесть назад? В то время я ещё преподавала в Пекине, а твой отец позвонил мне и сказал, что в тебе вдруг проснулась редкая сыновняя почтительность — каждые летние каникулы ты возвращался, чтобы навестить его. Ты от природы непоседа и

обожаешь развлечения. Я не верю, что этот старый город мог внезапно увлечь тебя чем-то новым. Разве что... ты встретил того, ради кого стоило здесь задержаться. Я очень рада, но в то же время хочу тебя предостеречь. — Лицо Чэн Тун стало серьёзным: — Если ты не готов принять возлюбленного, который, возможно, никогда не поправится, то, прошу тебя, больше к нему не приближайся. Иначе твой уход станет для него вторичной травмой, и он этого не вынесет.

Двадцать пятого числа Чэн Цзайе вылетел в Сан-Франциско на свадьбу университетского друга. Едва увидев его, тот нахмурился:

— (Что с тобой? Ты выглядишь таким измождённым!)

Чэн Цзайе не ответил. Окинув взглядом шумную толпу гостей на свадьбе, он внезапно спросил:

— (Среди твоих знакомых тут нет случайно толкового психиатра? Нужен китаец, свободно говорящий по-китайски. Желательно — выпускник одного из топовых американских университетов, с богатым клиническим опытом.)

Друг посмотрел на него с нескрываемым изумлением:

— (Тебе?)

— (Не мне,) — покачал головой Чэн Цзайе. — (Моему любимому человеку.)

У друга были обширные связи, и уже на следующий день он передал ему нужные контакты. Вскоре Чэн Цзайе сидел в кабинете врача, который в общих чертах уже ознакомился с ситуацией онлайн. Он задал вопрос:

— Какие у него симптомы?

Чэн Цзайе начал мысленно воскрешать в памяти каждую деталь:

— Он очень худой. Скорее всего, плохо ест. Заметные перепады настроения. По ночам, когда он остаётся один, ему становится тяжелее. Кажется, ему трудно концентрировать внимание. Часто замирает, глядя в пустоту. Полная апатия. Бессонница... или же, наоборот, спит не просыпаясь.

Перечисляя симптомы, Чэн Цзайе чувствовал, что в него словно вонзаются ножи. Всё было так очевидно. Цзян Шоуянь ничего не скрывал — так почему тогда Чэн Цзайе не почувствовал неладного? Последняя фраза далась ему с мучительным трудом:

— Должно быть... у него были попытки самоубийства, и эта мысль по-прежнему его не

отпускает.

— Опираясь только на эти данные, я могу сделать лишь предварительный вывод. Скорее всего, у него имеются и другие глубокие травмы.

Чэн Цзайе ненадолго замолчал, прежде чем ответить:

— Я не знаю, в чём причина его травм. Я лишь хочу понять, как мне вести себя, чтобы хоть немного облегчить его состояние.

— Вы должны понимать, что это будет весьма нелегко.

Чэн Цзайе поднял взгляд:

— Я слышал, у вас есть особая программа — погружение в их жизнь...

Когда он вышел из клиники, на улице стемнело. В Сан-Франциско в последнее время сильно похолодало. Плотно запахнув пальто, Чэн Цзайе сам не заметил, как ноги привели его к мосту Золотые Ворота. Этот красный мост был поразительно похож на мост имени 25 апреля в Лиссабоне. Вот только в Сан-Франциско не было таких ослепительно-ярких рассветов, как там. Пронизывающий холодный ветер заставил Чэн Цзайе вжать голову в плечи. Так он переживал самый холодный конец лета в своей жизни.

<http://bllate.org/book/14908/1600243>